

ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Урманбетова Ж. К. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: Проблемы идентичности в ракурсе современного бытия выступают на передний план государственного строительства и вызовов истории. Культурная составляющая обнаруживает себя во всех видах идентичности. К концу XX столетия на повестку дня вышел вопрос «кто?» с акцентом на контекстность понимания. Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии? Во-первых, способность сформировать единство внутри региона проявит уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальной близости, общей социальной памяти и культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют побочные факторы региональной идентичности. Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована извне. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется внутри региона. В-третьих, в настоящем евразийский контекст в определении идентичности актуализируется с новой силой и в новом понимании.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, регион Центральной Азии, исторические истоки, ценности, евразийский контекст.

IDENTIFICATION PROCESSES IN THE CENTRAL ASIAN REGION

Urmanbetova Zh. K. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: Identity problems from the perspective of modern life come to the forefront of state building and challenges of history. The cultural component reveals itself in all types of identity.

By the end of the twentieth century, the question «who?» with an emphasis on contextual understanding.

Until now, the Central Asian region has not taken advantage of the historical chance to actualize its identity. The answer of civilizations is connected with the problem of preserving cultural identity. In this sense, the Central Asian region projects the problems of human destiny in accordance with the originality of the history and culture of a particular geographic space. What should be borne in mind when it comes to the regional identity of Central Asia? Firstly, the ability to form unity within the region will show the level of culture and understanding of each state. Despite the commonality of historical origins, territorial proximity, common social memory and cultural values, there are many differences that specify the side factors of regional identity. Secondly, the regional identity of Central Asia cannot be formed from outside. The external view of the unity and territorial boundaries of the region does not always coincide with the internal position that is formed within the region. Thirdly, in the present, the Eurasian context in the definition of identity is actualized with renewed vigor and in a new understanding.

Keywords: *ethnocultural identity, Central Asia region, historical origins, values, Eurasian context.*

Введение

Волна пандемии с необходимостью усилила интерес к обозначению тенденций развития мирового сообщества. Провозглашение глобализации объективной тенденцией бытия, исчисляющейся несколькими десятками лет, породило ответную реакцию в виде усиления процессов идентификации, в совокупности определяющих эпоху постглобализации. Пандемия, охватившая все человечество, вывела на арену политического бытия понятие деглобализации, по существу совпадающее с феноменом постглобализации, тем самым выдвинув процессы сложной идентификации на передовую как социального, так и политического, культурного, национального бытия. Именно поэтому закрутились споры относительно существующей наполненности феномена идентичности в проекции «я» и «мы».

Контекст идентичности

XX век был ознаменован многочисленными катаклизмами, войнами и разрушениями. Вместе с этим именно в XX веке появилось громкое заявление о вступлении человечества в новую фазу исторического развития, именуемую глобализацией. Тем

самым по-новому встал вопрос о глобальном единстве мира, начиная от приоритета рыночной системы хозяйства, победного шествия либеральной демократии и до универсальных ценностей, детерминирующих формирование глобальной культуры, а, значит, единых стандартов мышления и норм бытия. Вместе с тем основой представления глобализации объективной тенденцией развития бытия стала идеологическая раскрутка философии космополитизма. При этом национальное государство в контексте глобализации должно было уступить место транснациональным корпорациям. Однако по истечении не более чем тридцати лет глобализация перешла в новую фазу своего развития, именуемую постглобализацией. И вновь понятие национального государства стало актуальной единицей мирового сообщества, перед которым возникли новые риски и угрозы.

Основным контекстом постглобализации выступили процессы идентификации, в особенной степени реализующиеся в национальных государствах. В методологическом отношении возникло разночтение трактовки идентичности в преломлении к индивидуальному «я» человека и коллективному «мы» в контексте нации и государства. Такое разночтение проявило себя и в рамках радетелей глобализации – Соединенных Штатов. Ф. Фукуяма в своей «Идентичности» настаивает на том, что «идентичность вырастает из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я»» [1]. При этом он утверждает, что «люди – существа, сознательно стремящиеся к максимальной выгоде, основанной на индивидуальных предпочтениях» [2]. Тем самым Фукуяма придерживается классического определения идентичности как атрибута личности. Вместе с тем, по его мнению, чувство идентичности перетекло в политику идентичности, когда «национальная идентичность имеет большее значение для качества управления» [3].

С. Хантингтон же в своей работе «Кто мы?» делает ставку на проявление коллективной идентичности, именно поэтому вопрос: «Кто мы?» ставится в отношении самого государства. При этом акцент ставится на гражданство, поскольку «гражданство связывает идентичность конкретного человека с идентичностью нации» [4]. В этом отношении книга Хантингтона стратегична в хорошем смысле этого слова, верно определяя вызовы, риски и угрозы для американской идентичности. Сама постановка вопроса

направлена на вопрошание сути национального государства. Это означает, что мыслитель признает, что историческое время национального государства не исчерпано, напротив, оно претерпевает момент исключительной востребованности.

Смешанное представление о существовании идентичности можно найти в трудах российских исследователей. К примеру, В. Малахов подчеркивает тот факт, что идентичность индивидуальна, но вместе с тем она есть продукт социального взаимодействия: «членом этнической группы – и тем самым носителем определенной этнической идентичности – индивидов делает не происхождение (биологическое или культурно-историческое), а та роль, которую эти индивиды играют в социальном взаимодействии. Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует ее открытость и подвижность» [5].

Тем самым акцент в преподнесении контекста идентичности очень важен, поскольку детерминирует значимость индивидуального или коллективного. При этом также важно понимать, что в современности приоритет либерального или индивидуального означает крен в сторону космополитизма; выдвигание же на передний план коллективного в контексте нации проецирует предпочтительность национального государства в мировом политическом бытии.

Региональная идентичность Центральной Азии

Регион символизирует собой то самое звено в мировом развитии, которое сглаживает противостояние двух тенденций бытия в виде глобализации и процессов национально-культурной идентификации и тем самым как бы сглаживает острые углы вызовов истории. Причем так было всегда, поскольку то или иное региональное объединение, с одной стороны, включалось в общемировую процесс развития, а с другой – обозначало определенную специфику конкретного геополитического пространства. В этом отношении регионы играли своего рода роль триггеров, которые могли застолбить существенные и долговременные бытие сохраненными интересами конкретного сообщества. И в этом их значительная роль.

Если обратиться к истории существования человечества, то еще истари такие объединения имели место быть, и особую роль играла Европа как старый свет, обусловивший начало западного образа жизни и ценностей. Именно поэтому философы уделяли значительное внимание обоснованию особенной целостности

Европы в духовном смысле. К примеру, если обратиться к Э. Гуссерлю, то он утверждал, что старому свету присуще особое родство духа, когда под духовным обликом Европы понимается «явленность философской идеи, которая имманентна истории духовной Европы» [6]. Многие значительные философские умы Европы так или иначе формировали ценностную значимость этого региона, обосновывая прямую зависимость развития мира от развития Европы. И, если взглянуть на политическую историю человечества, то Европа всегда играла ключевую роль в определении тенденций развития мира. При этом надо отметить, что и в новейшей истории именно Европа первой сформировала свое обновленное объединение – Евросоюз. Вместе с этим необходимо признать, что в настоящем Евросоюз переживает глубокий кризис, и тому есть причины, но данная статья не об этом регионе конкретно.

Помимо Европы в мире раскрывают свое существо и другие региональные объединения, стремящиеся обозначить свое единство и выказывающие экономические и политические интересы. В некоторых случаях такие претензии бывают успешными, в других – не совсем. Однако сам принцип обозначения такого существования и в определенной степени борьбы на мировой арене позволяет говорить о важности и значимости самого понятия «регион» в диалектике мира и государства.

Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии?

Во-первых, способность сформировать единство внутри региона проявит уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальной близости, общей социальной памяти и культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют побочные факторы региональной идентичности.

Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована извне. Внешний взгляд на единство и

территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется внутри региона.

В-третьих, в настоящем евразийский контекст в определении идентичности актуализируется с новой силой и в новом понимании.

Единство исторических истоков обосновывается тем, что Центр Азии в свое время явился родиной кочевой цивилизации, которая, впервые обусловив диалог Востока и Запада, тем самым отдав силу своего влияния этим феноменам, сама ушла в тень истории. Мировая история, возникшая в эпоху осевого времени, испытала на себе влияние кочевников в качестве первотолчка для понимания и познания друг друга. Этим самым кочевники внесли судьбоносный вклад в развитие человеческой цивилизации. Второй раз всплеск кочевого архетипа произошел вследствие разрушения одной из мировых империй – Советского Союза. Этот всплеск с течением времени дополнился феноменом цифрового кочевья как порождения глобальных тенденций развития, т.е. модернизированной формы кочевья на основе технологического прогресса. Тем самым, когда возник глубочайший кризис западного рационализма, кочевье выступило тем ответом на вызов исторического времени, который проецирует один из путей, чтобы выжить и не потерять гармонию с этим миром. Цифровое кочевье – детище Запада, но исконно исторически, ментально кочевье раскрыло себя в лоне Центральной Азии. Это означает, что в этом регионе заложены ментальные ключи иного взгляда на мир, все более востребованного в катаклизмах техногенной цивилизации. Существующая возможность обозначения центральноазиатского региона в современном мире при удачном стечении обстоятельств может стать основой экстраполяции этого иного взгляда на мир. В этом заключается особенность интуитивного восприятия реальности, способного актуализировать столь важные в современности принципы существования.

У государств Центральной Азии есть культурно-историческое наследие, которое ментально перекликается друг с другом. По этим основным точкам соприкосновения можно составить так называемую связность жизни. Неслучайно В.Дильтей утверждал, что связность жизни свою первую интерпретацию получает как переживание времени [7]. Это означает, что определенные триггеры регионального развития Центральной Азии должны будут выражаться в целой системе взаимодействия региона, начиная с экономического и заканчивая духовным развитием.

Конструктивное переживание нынешней ситуации, отягощенной самыми отрицательными прогнозами, напротив может породить что-то востребованное и достойное.

Все это говорит о том, что подоплека единства региона в философско-теоретическом, культурно-цивилизационном смысле есть, необходимо только ее развить. Ну и, самое главное, – это понимание этого мощного наследия со стороны руководства республик; осознание необходимости регионального объединения в существующей политической и в целом исторической ситуации; обоснование значимости такого шага и определение основных стратегических направлений.

Принципиальным отличием государств центральноазиатского региона в настоящий момент является своеобразие политического контекста развития, в связи с чем актуализируется политическая воля руководителей для осознанного формирования региональной идентичности. Все существовавшие попытки определения идентичности Центральной Азии, осуществлявшиеся внешними игроками, показывают, что это практически безуспешно. Это происходит потому, что инициации извне несут с собой другой, внешний взгляд на то, что должно сформироваться изнутри. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется из реальной жизни, изнутри региона. Отличие образа мышления как следствие проецирует различные механизмы формирования единства региона.

Четверть века после обретения суверенитета – приличный срок, период, реализовавший основную идею своего развития – независимость. Одновременно, это срок, когда получены определенные выводы от первых лет вожденной, но достаточно сложной независимости, которые могут послужить толчком в отсчете нового этапа, по логике вещей более осознанного в действиях и осмысленного в необходимости не просто провоцирования идеи региональной идентичности, но и ее реализации.

В этой связи муссируемый временами феномен обновленного евразийства может оказаться плодотворным. Неслучайно Зб. Бжежинский в своей знаменитой «Великой шахматной доске» привел мысль Х. Маккиндера о том, что «тот, кто правит Сердцем Земли, владеет Мировым островом (Евразией); тот, кто правит Мировым островом, владеет миром» [8]. Все это подтверждает, что Евразия представляет собой особенный интерес для всех политических сил, стремящихся играть важную роль в мировой

политике. Интересы многих политических сил пересекаются в Евразии, вместе с тем сама она представляет собой сплав народов, культур, государств и сообществ. Почему евразийский выбор – это веяние времени для Центральной Азии? Евразия – это тот географический ареал, который был озаменован историческими движениями кочевников. Именно благодаря кочевникам Центральной Азии стал возможен диалог между Востоком и Западом, соответственно в превращении истории во всемирный процесс развития большая роль отводится кочевникам, вовлекшим в общий круговорот истории все страны, культуры и цивилизации. Кочевники Евразии некогда определяли движение на всем пространстве этого огромного континента. В истории человечества так складывается, что кочевники играют особую роль в переломные моменты, давая толчок к развитию. Центральная Азия, шире – Евразия, является нашей обителью, именно поэтому все, что связано с Евразией, не может быть нам безразлично, это наша судьба. Поэтому развитие Евразии одновременно означает и наше развитие. Жизнь в добрососедстве с другими народами и государствами Евразии – это возможность для государств Центральной Азии быть и продолжать свой путь суверенного развития. Ответ на вызов истории в контексте глобализации сложнее дать отдельному государству и системе культуры, нежели региональной общности.

Множественная идентичность в контексте Кыргызстана как одного из государств региона

В контексте региональной идентичности Центральной Азии не меньший интерес вызывают процессы идентификации, проходящие в каждом отдельном государстве. В этой связи интерес вызывает наша республика, точнее – народ, ее населяющий. Какой ответ на актуальный вопрос современности предполагаем дать мы? Коллективное проявление идентичности в проекции государства или народа, или все же приоритет индивидуальной идентичности в разрезе: «Я» и остальной мир? При этом надо отметить, что определение идентичности и есть проявление самосознания в контексте конкретного человека или народа, нации в целом. В этом случае раньше употреблялось понятие национального самосознания.

С вхождением в период суверенитета изначально вопрос «мы» стал наиболее определяющим суть и народа, и государства, и только с течением времени, с проникновением универсальных

ценностей, понятие индивидуального «я» стало ассоциироваться с уровнем свободы. Говорить о свободе можно бесконечно, также бесконечно можно спорить о том, что важнее – «я» как проявление личностного волеизъявления или «мы» в контексте государства. Однако не надо забывать, что на мировой арене мы представлены Кыргызстаном – независимым государством, соответственно, сколько бы мы ни говорили об индивидуальной свободе, во всех договорах, пактах, встречах на высшем уровне, международных организациях основополагающей геополитической единицей выступает Кыргызстан. Соответственно, есть необходимость задуматься о том, кто мы – народ Кыргызстана?!

В этой связи необходимо отметить, что именно с вхождением в эпоху независимости процессы идентификации стали углубляться, расслаивая общество на различные сообщества и слои, тем самым создавая некоторую угрозу для определения целостности народа и государства, его представляющего. В контексте этих вызовов вполне закономерен вопрос – какова эта наша расслаивающаяся или множественная идентичность?!

В период девяностых, когда Союз разрушился, и мы вверглись в пучину суверенизации, хаос объял не только наши экономику, политику и социальную действительность с ее протестами и бунтами, но, что немаловажно, а может быть и более важно, поскольку это определяет наше существо, хаос охватил процессы социального расслоения, доходящие до психологически депрессивного определения самих себя. Какие проявления идентификации у нас выходят на первый план в попытке создания единого образа народа?

В первую очередь, это всплеск архетипа – кочевого самосознания. Мы, в некоторой своей массе, стали ассоциировать себя с кочевниками, вернее, потомками кочевников, сохранивших элементы кочевой культуры мышления, что недалеко от истины. Если раньше эта сторона нашей истории была подернута дымкой некоторой неизвестности, недостаточной изученности, то с обретением суверенитета, напротив, вышла на передний план и обусловила такой критерий идентификации. Этому сопутствовали теоретические исследования относительно инвариантности культуры мышления кочевников. В настоящем можно утверждать, что это стало толчком в обновленном самоопределении себя как народа, как нации. В этой связи уместно вспомнить слова К. Г. Юнга о значимости архетипов: «...нет возможности объявить архетипы несуществующими, поскольку каждая заново

завоеванная ступень культурного усложнения сознания оказывается перед задачей: отыскать новое и отвечающее своему уровню истолкование архетипов, чтобы связать все еще присутствующую в нас жизнь прошедшего с современной жизнью, которая угрожает оторваться от первой» [9]. Юнгу вторит К. Ясперс, говоря о том, что именно в кризисные периоды народ обращается к своим историко-культурным истокам для получения мотивации в движении вперед. Это происходит, поскольку возникает «ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если ей не будет дано удовлетворение, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека» [10]. Естественно, были и перекосы как ответная реакция на идеологический прессинг предшествующего этапа развития.

Во-вторых, это процессы вестернизации в попытках провести в республике модернизацию: увлеченность либеральной демократией Запада была сопряжена с восприятием стандартов мышления и норм поведения продвинутого западного общества. Неслучайно западные теоретики начали прогнозировать развитие центрально-азиатских государств. К примеру Зб. Бжежинский считает, что «распад Советского Союза породил поразительный исторический обратный ход вещей; вследствие различного этнического состава они (страны Центральной Азии) уязвимы для внешних и внутренних конфликтов, что делает их привлекательными для вмешательства со стороны» [11], когда влияние России сменилось стратегическим влиянием Запада. Одновременно с этим Бжежинский предложил теорию переходного периода для стран Центральной Азии, согласно которой переход в состояние демократических государств займет 15–20 лет, учитывая, что «в Центральной Азии, недавно получившие независимость государства – экспортеры энергоресурсов – все еще пребывают на ранних стадиях политической консолидации. Системы управления в этих странах остаются слабыми, политические процессы отмечены печатью деспотического произвола, государственность отличается непрочностью» [12]. Универсальные ценности, преподносимые как необходимое сопровождение демократизации, внесли свои коррективы в усложнение идентификационных процессов в республике. Это выразилось в увлечении выяснением идентичности личности, с

течением времени «обогатившейся» различными трансформациями собственного «я» в виде определения ориентации и много другого.

В-третьих, это всплеск религиозной идентичности, начиная от абсолютизации канонов ислама до приверженности некоторым конфессиям, в том числе агрессивного толка. Это не преминуло сказаться на образе нашего народа, в особенности наиболее подверженной влиянию молодой ее части, ассоциирующих себя приверженцами более жесткого ислама. И если раньше мы «поголовно» были атеистами, то с вхождением в новейший период истории идентификация по религиозному критерию обнаружила движение от хаоса к более иерархичному проявлению религиозной убежденности, временами доходящей до абсолютизированного варианта.

Наряду со всеми тремя, наиболее ярко выраженными процессами множественной идентификации, свое место нашли и продолжают находить следующие параметры самосознания. Итак, в-четвертых, это, несомненно, ностальгия по Союзу как реакция на хаос, рост безработицы и безграмотности, дошедшей до верхних ступеней властной структуры, дискретности общества. Тем самым усиление процессов консолидации на почве идеологического единства за неимением, вернее неспособностью, сформулировать стратегическую систему действий в проекции сегодняшнего дня. В этой связи все больше людей приветствуют возрождение так называемого нового союза. Поэтому феномен «советского человека» в восприятии достаточно большой части населения также претерпел удивительные преобразования – от ненависти через терпимое отношение к определенной идеализации.

В-пятых, начали оформлять своеобразную идентичность, особенно в разрезе молодежи и тинейджеров, ориенталистские наклонности. Это нашло реализацию в тюркизации, кореизации, китаизации не только в своем внешнем проявлении, но именно ментальном. А, как известно, ментальные основания – базовые для формирования и определения идентичности, тем более слой молодежи и тинейджеров представляет основу для выстраивания идентичности в проекции на будущее. При этом различные варианты увлечения восточным направлением в самоопределении постепенно и постоянно увеличиваются. Это означает, что дискретность общественного сознания все более углубляется.

В-шестых, это рост гендерных критериев идентификации личности, не зря же мы на протяжении четверти века впитывали

космополитические умонастроения и универалистские тенденции глобального мышления. Причем надо отметить несколько противоположную со-направленность в рамках одного пласта: гендерное в смысле феминизации общества в его западном прообразе; и сугубо кыргызский контекст гендерного развития в смысле формирования и разрастания в одно время нарядов ОБОН (отряд баб особого назначения – новоявленный сленг), способных использовать воинственные начала героического характера кыргызского народа, правда в несколько другом ракурсе. Свободолюбие кыргызского народа, в том числе и женщин, и феминистские умонастроения в обществе – по сути совершенно разные интерпретации отношения к женщине, однако в нашей реальной ситуации все смешалось. Что из этого выйдет, сказать сложно, поскольку все очень непредсказуемо.

Но и на этом не исчерпывается множественная идентичность народа Кыргызстана. Что есть еще? Еще очень много разного.

В-седьмых, это появление нового формата кыргызского, по своей идентичности лишь внешне напоминающего настоящих кыргызов, по существу же внутреннее наполнение зависит от страны временного проживания. Благо процессы миграции отозвались в Кыргызстане всей душой, как на внутреннем, так и внешнем направлении. По некоторым статистическим данным около миллиона кыргызов проживает в России, естественно, как все мигранты, они впитывают все проявления окружающего их пространства во всех его вариациях – национальном, психологическом, гражданственном, государственном. В настоящем кыргызы-мигранты проявляют противоречивую идентичность, осложняющуюся многими факторами. В данном случае этническая принадлежность ни в коем случае не выступает доминантой в определении своего «я», тем самым внутри этнокультурной самоидентификации происходит некоторое расслоение.

В-восьмых, по мнению некоторых членов экспертного сообщества, особый пласт кыргызского общества составляют «тенирчилер» (проповедники этнической религии тюрко-монгольских кочевников евразийских степей и Центральной Азии, где Тенгри – это обожествленное небо), которые не совсем вписываются в общую картину рекультивации кочевого менталитета. Это находит свое проявление в различии политических, социальных, культурных взглядов. При этом надо отметить, что существо этого слоя в своей приверженности

ценностям Тенгри и их воспроизведением в обществе варьируется от лояльных до абсолютистских.

В-девятых, с момента получения независимости начал формироваться отдельный слой населения, осуществляющий свою деятельность в разрезе неправительственных организаций. При этом такого рода деятельность с течением времени сказывается не только на гражданской позиции, но и культуре мышления, что способствует образованию еще более углубленной идентификации личности.

В-десятых, наибольшую сложность проявляет гражданский аспект идентичности, наиболее востребованный в контексте консолидации народа и представлении кыргызстанской идентичности. Можно ли говорить о существовании общекрыргызской (в смысле кыргызстанской) идентичности?! Не так давно в республике разрабатывали концепцию «Кыргыз жараны», однако она так и повисла в воздухе, как и многие другие инициации. Одним из негативных проявлений нашей суверенной истории выступает отсутствие преемственности в начинаниях и действиях исполнительной власти.

И все же какова она, наша национальная идентичность в контексте независимого государства Кыргызстан? Однозначного определения нет, и пока быть не может. Кризис национальной идентичности налицо, однако без ее формирования не приходится говорить о действительно суверенном государстве, поэтому и любой мало-мальский кризис в любой сфере нашего общества будет переживаться как практически глобальный. Чем больше критериальных делений в определении своей идентичности, тем более сложно определять стратегии консолидации народа и интеграции общества.

Заключение

В случае с государствами Центральной Азии налицо явные вызовы, угрозы и риски. Одним из веяний времени выступают новые начинания со стороны внешних игроков, каждый из которых стремится, в первую очередь, упрочить позиции через призму своих национальных интересов. Но вызовы исторического времени вынуждают их работать еще более стратегически, с прицелом на формирование обновленных супер-игроков мирового сообщества. Это означает, что способность государств Центральной Азии застолбить в новом формате региональное объединение пойдет на пользу каждому отдельному государству

региона. И, несмотря на различия в образах государственности, а также экономического, политического, социального и культурного пространства, неспособность воспользоваться предоставленной временем возможностью нанесет урон каждому из членов региона. Именно в контексте региона будет более плодотворным определять приоритет внешнеполитических кластеров.

В настоящем видится тенденция выработки идеологии каждого из государств региона, базирующейся на историческом наследии. В определении стратегии развития региона имеет смысл соотнести основные точки соприкосновения, основополагающие ценностные триггеры, которые и станут базой для координированной работы региональных структур.

Литература

1. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Гл.1. Политика достоинства. М., 2019. С. 6.
2. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Гл.2. Третья часть души. М., 2019. С. 7.
3. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. Гл.12. Мы, народ. М., 2019. С. 35.
4. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской идентичности. – М.: Транзиткнига, 2004. С. 338.
5. Малахов В. Символическое производство этничности и конфликт // Идентичность: поиск, производство и воспроизводство. Б., 2005. С. 12.
6. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 300.
7. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–140.
8. Бжежинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1997. С. 71.
9. Юнг К. Г. К пониманию архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 123.
10. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Мир философии. Ч. II. М., 1991. С. 578.
11. Бжежинский Зб. Великая шахматная доска. М., 1997. С. 74.
12. Бжежинский Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 22.